

УДК 94(516)

**ТУРКЕСТАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И УЧРЕЖДЕНИЕ
ОРГАНОВ ЦАРСКОЙ “ОХРАНКИ” В СРЕДНЕЙ АЗИИ
(1908–1917)**

П.П. Литвинов

Отмечается, что администрация Туркестанского края, подчиненная военному министерству, негативно отнеслась к учреждению органов царской “охранки” в регионе и пыталась поставить под свой контроль политический сыск в Средней Азии.

Ключевые слова: военная администрация; Туркестанский край; “охранка”; политический сыск; мусульмане; революционеры.

**TURKESTANI ADMINISTRATION AND ESTABLISHMENT
OF BODIES IMPERIAL “OKHRANKA” IN CENTRAL ASIA
(1908–1917)**

P.P. Litvinov

In the article the administration of Turkestani edge, the subordinate to the military ministry is marked, that, has negatively concerned to establishment of bodies imperial “okhranka” in region and tried to put under the control political investigation in Central Asia.

Keywords: military authorities; Turkestani edge; “okhranka”; political investigation; moslems; revolutionaries.

Как известно, все российские территории в Туркестане изначально (еще со времен так называемой “Сырдарьинской линии”) подчинялись военному министерству, тогда как подавляющее большинство административно-территориальных единиц в Российской империи находились в ведении Министерства внутренних дел. Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман еще при своем назначении в 1867 г. просил не присылать к нему “ни архиерея, ни жандарма”. С первым у него ничего не получилось, так как Туркестанская православная епархия была учреждена в 1871 г. и начала функционировать с 1872 г. [1]. Что же касается “жандарма”, то органы политического сыска, подчиненные МВД, действительно, в Туркестанском крае длительное время не функционировали. Собственно, в них не было необходимости, поскольку “приложение” к статье 161 “Туркестанского положения” 1886 г. возлагало на “военную” полицию края и функции жандармского характера [см.: 2]. Однако развитие событий

в конце XIX – начале XX в. как в самой России, так и в Туркестанском крае показало, что в условиях нарастающего революционного движения надо усиливать работу профессионального политического сыска. В Туркестан стали все больше ссылать политически “неблагонадежных” лиц, преимущественно социал-демократов, эсеров, анархистов и др. Понятно, что они здесь не сидели сложа руки, хотя революция 1905–1907 гг. в регионе явно не имела того размаха, о котором писала советская историография. Жизнь показала, что “военная” общая полиция Туркестанского края, успешно действовавшая среди мусульманского населения, не смогла профессионально бороться с революционными настроениями среди ссыльных, в связи с чем в конце 1907 г. в регионе было учреждено Туркестанское районное охранное отделение (ТРОО), подчиненное давнему сопернику военного министерства за управление краем – МВД.

Образование ТРОО, на наш взгляд, было не лишней и полезной инновацией в “полицейской”

жизни края. Уже в 1908 г. ТРОО во главе с его начальником Л.А. Квицинским сумело показать себя реально действующим органом. Вместе с тем военные власти Туркестанского края изначально понимали, что органы Департамента полиции МВД, привыкшие преимущественно бороться с революционными и вообще антиправительственными силами в самой России (особенно в европейской ее части), смогут работать в среде русскоязычного населения края по выявлению и пресечению антигосударственных действий, но осуществлять надзорные функции за движениями в мусульманских массах региона, эффективно бороться с ними должным образом они вряд ли смогут. Поэтому туркестанская администрация столь же изначально стала обращаться в военное министерство с проектами усиления политического надзора за мусульманским населением средствами “военной” полиции и придании ей для этого новых соответствующих подразделений и функций.

Это обстоятельство побудило туркестанского генерал-губернатора П.И. Мищенко 14 марта 1909 г. направить военному министру проект устройства “организации внутренней разведки” в крае, которая занималась бы политическим надзором именно за “туземным” населением, предоставив ТРОО работать среди “пришлого” (русскоязычного) населения. Проект был подготовлен краевой Канцелярией и подписан ее управляющим, полковником В. Мустафиным. Он писал в проекте: “Ввиду того, что начальник местного Охранного отделения завален работой и к тому же он не ориенталист, не в состоянии непосредственно выслушивать или прочитывать доклады и донесения разведчиков (которые, несомненно, будут туземцы), то ему необходимо иметь для этой цели особого помощника с ориентальным образованием, хорошо к тому же знающего турецкие (тюркские. – П.Л.) и персидские наречия... Для этого может быть откомандирован в Охранное отделение чиновник для усиления личного состава Главного Управления Туркестанского края с окладом не менее 2000 рублей в год”. Мустафин указывал, что это немного и потому ему надо прибавить 1000 руб. в год на “вспомогательные работы” [3, л. 21 об.]. При этом он подчеркивал, что “начальник Туркестанского Районного Охранного отделения должен единолично направлять донесения в Министерство” [3, л. 22]. Направление таких донесений туркестанскому генерал-губернатору управляющий краевой Канцелярией считал само собой разумеющимся.

Интригующий замысел военной администрации Туркестанского края в данном случае был

более чем очевиден. Внедрив своего “чиновника” в штат ТРОО, она могла получать от него фактически все сведения о работе “охранки”, ибо именно он должен был читать все донесения. Мустафин писал, что “организация внутренней разведки” должна состоять исключительно из “туземных” агентов, которым надо платить не поровну, а в зависимости от качества их работы – например, платить хорошему, старательному агенту по 75 рублей, тогда как лентяю – 30 руб. и менее. При этом он конкретизировал, что в среднем на каждого агента надо будет выделять по 600 руб. в год, а поскольку “внутренних разведчиков” будет 18 человек, то в год на их содержание потребуется 10 800 руб. Мустафин достаточно дальновидно и со знанием дела распределил агентов “организации внутренней разведки” по Туркестанскому краю, включая и русские поселения в Бухарском ханстве.

В соответствующей литературе об этом проекте почти неизвестно, хотя о нем иногда вспоминали как о некоем “плане Мищенко”. Думается, что с этим названием трудно спорить, несмотря на то, что, по нашему глубокому убеждению, его составил не сам Мищенко и даже не ловкий мздоимец Мустафин, а скорее всего, он “вырос” в Штабе Туркестанского военного округа и был “отшлифован” чиновниками краевой канцелярии. Об этом “плане”, кстати, упоминал в отчете по “ревизии” Туркестанского края в 1908–1909 гг. сенатор К.К. Пален. Он уточнял, что “план Мищенко” был направлен не только военному министру, но в копии – министру внутренних дел и Председателю Совета министров Столыпину.

Писал Пален немного и о “туземных” агентах, но указывал, что все они должны были подчиняться Начальнику Туркестанского Районного охранного отделения [4, с. 94]. У нас это вызывает сомнение, поскольку об этом Мустафин ничего не писал. Это – первое. Второе. Если бы “план Мищенко” предусматривал такое подчинение “туземных” агентов, то стоило ли бы тогда военной администрации Туркестанского края по этому поводу, образно говоря, огород городить? Полагаем, что нет. Третье. Пален в своем отчете сам себе противоречил, указывая, что “план Мищенко” предусматривал создание при Канцелярии туркестанского генерал-губернатора “особого отделения по туземным делам”, в котором работали бы “классные” (по гражданскому чиновничеству) специалисты-ориенталисты, хорошо знающие ислам, шариат, обычаи и нравы мусульман, обрабатывавшие бы качественно поступающую информацию от агентов о положении в самом Туркестанском крае,

а также в Британской Индии, Афганистане, Персии, Бухарском и Хивинском ханствах [4, с. 94].

Таким образом, все должно было сосредоточиваться не в Туркестанском Районном охранном отделении, а в краевой Канцелярии. Туркестанский генерал-губернатор Самсонов, сразу же после вступления в должность вместо Мищенко (весной 1909 г.), проявил большой интерес к “плану” своего предшественника. 8 августа 1909 г. он писал военному министру о том, что в Туркестанском крае и среди русских, и среди мусульман идет “глубокое брожение”, что от этого “страдают” также Бухарское и Хивинское ханства, а потому надо обратить внимание на “план Мищенко” и усилить общий полицейский политический надзор за состоянием умов местного мусульманства [5]. Позже во “всепопданнейшем” отчете о положении Туркестанского края в 1909 г. Самсонов писал, что “план Мищенко” предложен своевременно для того, чтобы пробуждение местных мусульман не застало нас здесь врасплох” [6, с. 14]. Самсонов уточнял, что “в отношении постановки разведки в среде туземного населения необходимы особые тайные агенты, обязанные доносить о различных наиболее выдающихся проявлениях интеллектуальной и духовной жизни туземцев” [6, с. 14].

При этом он также писал о необходимости создания “особого отделения по туземным делам” при краевой Канцелярии (а не при ТРОО) для высокопрофессиональной обработки поступающей от агентов разнообразной информации о положении среди “туземцев”-мусульман в Туркестанском крае, а также в сопредельных странах. О том, чтобы агенты подчинялись ТРОО, он, естественно, не упоминал. Зато “всепопданнейший” доклад Самсонова содержал новацию по сравнению с “планом Мищенко” – генерал от кавалерии писал, что на содержание “туземной” агентуры потребуется “около 20 тыс. рублей в год” [6].

Замечание Самсонова о 20 тыс. рублей можно было бы отнести к разряду “прикидок” в плане превентивных соображений по поводу организации “туземной разведки” в Туркестанском крае, но это было не так. Документы свидетельствуют, что еще до представления “всепопданнейшего” доклада о положении в крае в 1909 г. (что имело место в 1910 г.) генерал-губернатор, после прихода к власти, стал не только оценивать “план Мищенко”, но и развивать его в сторону практической реализации. 3 октября 1909 г. Самсонов представил военному министру доклад под грифом “секретно”, в котором указывал, что на фоне роста антиправительственных настроений как среди “пришлого”, так и “туземного” населения нужно

усиливать борьбу с такого рода проявлениями. Генерал-губернатор отмечал, что наряду с созданием в крае Туркестанского Районного охранного отделения со штатом всего из 4 жандармских офицеров и незначительным числом филеров, розыскных пунктов МВД в Асхабаде и Верном в 1909 г. с еще меньшим числом сотрудников, которые только начали организовывать свою работу, для эффективного противостояния негативным тенденциям в умонастроениях населения необходимо принимать дополнительные меры. Таким образом, Самсонов фактически утверждал то же, что он излагал в рапорте военному министру 8 августа 1909 г.

Туркестанский генерал-губернатор указывал, что даже при наличии Охранного отделения в крае здесь фактически нет действительно организованного жандармского надзора. “Совмещение же функций Охранной и Жандармской организаций, за отсутствием последней в Туркестанском крае, – писал Самсонов, – ведет к тому, что производящиеся чинами местных розыскных учреждений переписки по охране, по исследованию противоправительственной деятельности разных лиц по окончании таковых передаются в распоряжение прокурорского надзора для производства предварительных следствий через судебных следователей и лишь в очень редких случаях и притом по самым мало важным делам производится дознание в порядке 1035 ст[атьи] Уст[ава] Угол[овного] Суд[опроизводства] через чинов жандармских полицейских управлений железных дорог” [7, л. 1, об-2]. Генерал-губернатор констатировал, что такой порядок деятельности политического розыска в Туркестанском крае неудовлетворителен. В связи с этим он писал о “необходимости учреждения Туркестанского жандармского управления по типу губернских жандармских управлений Европейской России”. Самсонов предлагал конкретный проект штатов такого управления в крае. Вместе с тем было бы ошибочным полагать, что он был новатором в этом вопросе. Еще на “переговорной” стадии между МВД и военным министерством об учреждении органов политического розыска МВД в Туркестанском крае генерал-губернатор Н.И. Гродеков выступал с такой же идеей в своем рапорте военному министру от 16 февраля 1908 г., которая, однако, не была реализована.

Планы туркестанского генерал-губернатора Самсонова поддержал прокурор Ташкентской судебной палаты. Но при этом он поставил следующие условия: 1) чтобы Туркестанское жандармское управление было единым на весь край и не имело областных учреждений, вместо которых там, где не было розыскных пунктов МВД (гг. Асхабад

и Верный), существовали бы так называемые “офицерские посты” в крупных населенных пунктах (г. Самарканд, Скобелев (Новый Маргилан. – П.Л.), Коканд, Мерв, Чарджуй и др.); 2) краевое жандармское управление должно было вобрать в себя в той или иной форме Туркестанское Районное охранное отделение, поскольку, по мнению прокурора, их раздельное, самостоятельное существование не принесло бы никаких положительных результатов в борьбе с революционной и панисламистской опасностью.

В секретном докладе военному министру Самсонов одобрял мнение прокурора Ташкентской судебной палаты, особенно в части подчинения ТРОО и розыскных пунктов МВД Туркестанскому краевому жандармскому управлению, что должно было объединить в один кулак весь политический розыск в регионе и принести успешные плоды. Генерал-губернатор предлагал незамедлительно приступить к организации предлагаемого им учреждения, так как, при слабости политического надзора в Туркестане, революционная и исламистская активность в регионе будет только нарастать, в том числе и в среднеазиатских ханствах – Бухарском и Хивинском.

Военный министр подписал на докладе туркестанского генерал-губернатора резолюцию: “Главный штаб. Сношение с М.[инистром] Вн.[утренних] Д.[ел]. 13/10” [7, л. 1, вверху]. Главный штаб направил копию доклада Самсонова лично министру внутренних дел Столыпину. Одновременно Азиатская часть Главного штаба направила копию доклада в Управление генерал-квартирмейстера, ведавшего вопросами разведки и всем ей сопутствующим. 30 января 1910 г. Управление генерал-квартирмейстера писало в Главный штаб, что проект туркестанского генерал-губернатора сам по себе неплох, но его реализация потребует значительных “денежных выплат”, которые не могут быть сделаны в ближайшее время по причине необходимости осуществления других важных расходов. Но любопытным было то, что, по мнению Управления генерал-квартирмейстера, независимо даже от финансовых затрат, “сама форма проектируемого штата отличается от формы существующих штатов жандармских управлений и... является совершенно неудобоприменимой” [7, л. 11]. В тот же день, 30 января 1910 г., начальник Главного штаба генерал Н.Г. Кондратьев направил копию заключения Управления генерал-квартирмейстера для ознакомления туркестанскому генерал-губернатору Самсонову. В сопроводительном письме он акцентировал, что предлагаемая краевой администрацией форма учреждения Туркестанского жан-

дармского управления, “по мнению Главного штаба, является совершенно неудобоприменимой” [7, л. 12] и просил Самсонова сообщить свое мнение по этому поводу.

Самсонов, однако, не спешил с ответом. Он знал, что глава МВД и правительства Столыпин встретил его проект “в штыки”, и заявил, что он не допустит никакого слияния органов Департамента полиции МВД в Туркестане с проектируемым краевым жандармским управлением. И это была совершенно естественная, на наш взгляд, реакция российского “премьера” и руководителя МВД. Учреждение Туркестанского краевого жандармского управления, поглощающего ТРОО с его розыскными пунктами, ставило его в подчинение военному ведомству, глава которого на подвластных ему территориях, по закону, пользовался всеми правами министра внутренних дел, тем более что военный министр к тому же был и “строевым” командиром Отдельного корпуса жандармов, определявшим, в частности, и его штаты, обсуждавшиеся в Военном совете министерства, а не в Совете МВД. Кстати, и формирование штатов жандармско-полицейских управлений железных дорог России шло через “высочайшие” указы, но объявляемые в приказах всё того же военного министра [см., напр.: 8–11]. Проект Самсонова, безусловно, ликвидировал бы “на корню” всю систему органов МВД, учрежденных на “чужой” территории (военного министерства). Естественно, что глава МВД и председатель Совета министров Столыпин этого не мог допустить. Поэтому туркестанский генерал-губернатор Самсонов, поняв бесперспективность “затеи”, охладил к своему детищу.

Через девять месяцев, 1 ноября 1910 г., начальник Азиатской части Главного штаба генерал-майор Цейль направил письмо в Канцелярию туркестанского генерал-губернатора и просил прислать отзыв Самсонова на письмо начальника Главного штаба от 30 января того же года. Но ответа не последовало. 11 февраля 1911 г. Цейль повторил свою просьбу. Но Канцелярия туркестанского генерал-губернатора и на сей раз не удостоила ответом генерала из военного министерства. Любопытно, что Цейль просил дать ответ и через более чем полтора года – 30 октября 1912 г. Всесильного Столыпина уже более года как не было в живых, позиции МВД ослабели и, видимо, в военном министерстве, где еще тлела надежда на учреждение самостоятельного жандармского надзора в Русском Туркестане, надеялись на то, что туркестанский генерал-губернатор предложит в указанном вопросе что-либо более новое и “удобоприменимое” по этому поводу.

Но генерал от кавалерии Самсонов и на этот раз не удостоил ответом.

Закономерно может возникнуть вопрос: а почему туркестанский генерал-губернатор Александр Васильевич Самсонов вел себя в данном случае таким “вызывающим” образом? Может быть, он был очень самоуверенным и надменным, безрассудно смелым и гордым, в связи с чем не желал отвечать на неудобные для него вопросы, даже исходящие от его непосредственного и высокого начальства? Нет, он не был таким. “Ларчик” проблемы открывается проще, чем это можно было предположить. Самсонов, получив вердикт Главного штаба от 30 января 1910 г. о своем проекте учреждения Туркестанского краевого жандармского управления, смог сразу оценить перспективы его реализации, поскольку если вернуться назад и еще раз ознакомиться с содержанием рассматриваемого отзыва Главного штаба, то нетрудно заметить, что генерал Кондратьев соображение Управления генерал-квартирмейстера выдал за мнение непосредственно руководимого им органа – он писал: “по мнению Главного штаба”. А это означало фактически то же самое, что и “по мнению военного министра”.

Нам пришлось прочитать сотни “докладных записок” и “докладов” по Главному штабу, в которых выражались те или иные мнения, рекомендуемые им военным министрам для принятия решений или обращения на “высочайшее” имя. И можем припомнить всего несколько случаев, когда военные министры не соглашались с мнениями и рекомендациями своего главного бюрократического “механизма”. И то же самое было характерно для военно-бюрократической системы в Русском Туркестане. Все проекты рождались в недрах Канцелярии туркестанского генерал-губернатора. По нынешним временам ее штат может показаться “смешным” – около 45 “ответработников”. Сегодня даже в районных администрациях существуют штаты побольше. Но эти 45 человек, по факту, и управляли всеми делами огромного края, и очень неплохо это делали.

Один из английских премьеров XIX в. говорил, что правительства приходят и уходят, а география остается. Так в и уходили (особенно часто в начале XX в.), а краевая Канцелярия оставалась. Рассматриваемые нами здесь проекты Самсонова готовила именно она и на всех документах стояла подпись управляющего Канцелярией (в нашем случае В. Мустафина). Вердикт Главного штаба от 30 января 1910 г. был глубоко и всесторонне осмыслен ее сотрудниками, после чего главному начальнику края была представлена соответству-

ющая “докладная записка” по Канцелярии. Результатом ее явилось издание 13 июля 1910 г. туркестанским генерал-губернатором циркуляра № 928 “Гг. Военным Губернаторам областей, Начальнику Закаспийской области и Начальникам Жандармско-Полицейских Управлений Средне-Азиатской и Ташкентской железных дорог”, в котором Самсонов расставлял все точки над “i” в вопросе об организации и функционировании органов, призванных обеспечивать политический розыск в крае [см.: 12]. Наивно полагать, что после издания этого распоряжения туркестанский генерал-губернатор стал бы отвечать на неоднократные “взывания” начальника Азиатской части Главного штаба генерал-майора Цейля по вопросу, который он считал для себя решенным окончательно и бесповоротно. Поэтому он и не стал этого делать, вплоть до своего ухода с должности, последовавшего летом 1914 г.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что все попытки военной администрации преломить ситуацию, возникшую в Туркестанском крае после учреждения здесь органов политического сыска Департамента полиции МВД, в свою пользу не имели успеха. Мы полагаем, что в этом случае главную роль сыграли обстоятельства объективного свойства, а не субъективного характера. Функции профессионального политического розыска исторически не были присущи русской армии.

Литература

1. Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета, объявленное Сенату Святейшим Синодом – О штатах Епархиального управления в областях Туркестанского Генерал-Губернаторства. 4 мая 1871 года // ПСЗРИ-2. Т. 46. Отд. 1. СПб., 1874. С. 433.
2. Положение об управлении Туркестанского края. Приложение к статье 161 – “Особые правила о порядке производства дознаний по государственным преступлениям в местностях, входящих в состав Туркестанского генерал-губернаторства”, пп. 1–5 // Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1900. С. 257.
3. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3772 – По представлению туркестанского генерал-губернатора о необходимости организации надзора за мусульманством в Средней Азии.
4. Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края / Пален / Краевое управление. СПб., 1910.
5. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3772. Л. 45.
6. Всеподданнейший доклад туркестанского генерал-губернатора о положении Туркестанского края в 1909 году. Ташкент, 1910.

7. РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3840 – По вопросу об учреждении Туркестанского жандармского управления.
8. Именной, объявленный в приказе Военного Министра – “О правах и обязанностях Начальников Полицейских управлений железных дорог”. 16 августа 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 42402. С. 903–904.
9. Именной, объявленный в приказе Военного Министра 8 января 1867 года – Об обязанностях и подчинении жандармско-полицейских управлений железных дорог. 31 декабря 1866 года // ПСЗРИ-2. Т. 41. Отд. 2. СПб., 1868. № 44071. С. 532.
10. Высочайше утвержденное Положение Военного Совета – Об образовании Жандармско-Полицейского Управления Уссурийской железной дороги. 23 марта 1893 года // ПСЗРИ-3. Т. 13. Отд. 1. СПб., 1897. № 9446. С. 133.
11. Высочайшее повеление, объявленное Военным Министром – Об увеличении штата Жандармско-Полицейского Управления Средне-Азиатской железной дорогой. 19 декабря 1901 года // ПСЗРИ-3. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. № 20866. С. 1209.
12. АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 82 “б”. Л. 11–12.